

7 июля 1989 года ● ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД

ИНТЕРВЬЮ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Сорок дней миновало со дня кончины Г. А. Товстоногова. А кажется, будто это было вчера: помрачневший зал БДТ, сквозь который нескончаемым потоком идут люди, а на сцене так все нереально, словно привиделась сцена из «Генриха IV» — похороны короля. Но — не привиделось! Король действительно умер. И с той минуты, как мы простились с Мастером, два чувства одолевают каждого, кому дороги судьбы ленинградской культуры: скорбь и тревога.

Мы с благодарностью вспоминаем все, что связано с именем Товстоногова, — и счастливые дни Театра имени Ленинского комсомола, и крутой подъем Большого драматического, его актеров, его драматургов, и формирование крупнейшей режиссерской школы... Мы тревожимся за судьбу его детища, его театра, который за 33-летний товстоноговский период стал нашей национальной гордостью, не менее значимой, нежели Эрмитаж или Филармония. Что же будет с БДТ? Этот вопрос задают нам ленинградцы.

Незадолго до закрытия сезона коллектив Большого драматического избрал своим художественным руководителем К. Ю. Лаврова. Мы встретились с ним в первый день отпус-

— Кирилл Юрьевич, первое желание — поздравить вас с новой «ролью». Но одновременно хочется выразить и сочувствие: вы возглавили театр в чрезвычайно трудный, трагический момент.

— Да, мы уже говорили у себя в театре, что нам предстоит невероятно трудный год. Год, когда мы должны будем справиться с постигшим нас горем и доказать нашим зрителям, что театр Товстоногова жив. За тридцать с лишним лет Георгий Александрович собрал, как он говорил, «коллекцию» мощных актерских индивидуальностей, объединил одной школой, единым творческим принципом, единой верой. Для того, чтобы не разрушить созданное им, не потерять этот творческий и нравственный потенциал, нам нужно консолидироваться. Попытаться какое-то время сохранить тот театр, который выстроил Товстоногов.

Мы очень серьезно относимся к тем опасностям, которые возникают перед театрами в подобной ситуации. Сохранение товстоноговского театра будет зависеть от каждого члена коллектива — будь то артист, машинист сцены или гример. От того, насколько серьезно, честно, порядочно будем мы относиться к делу.

Коллектив тайным голосованием высказался за то, чтобы стал художественным руководителем театра. Я очень

благодарен моим коллегам за доверие. Скажу честно: я был против. Не хотел. Но, когда все единогласно проголосовали, уже не мог отказываться. Тем более, что кто-то должен взять на себя ответственность в этот трудный период. Вероятно, выбор пал на меня, потому что я один из тех, кто долго работал вместе с Товстоноговым, кто был предан театру, исповедовал его принципы. Свои обязанности я надеюсь выполнять честно, надеюсь на помощь художественного совета и всего коллектива.

— Кирилл Юрьевич, но ведь вы и глава нашего творческого союза, и народный депутат... Как вы будете все успевать? Опыт Михаила Александровича Ульянова весьма печален: все свои силы он отдал руководству Театром имени Вахтангова и Союзом театральных деятелей РСФСР, из-за чего почти не играет на сцене, совершенно не снимается в кино...

— Да, пример Ульянова печален. Что ж как актер я себя уже списал. Буду играть то, что еще есть в репертуаре. Остальные обязанности попытаюсь сочетать, насколько хватит сил. Свою задачу этого — переходного — периода я вижу

в том, чтобы сохранить творческое лицо и творческую репутацию нашего театра и вести интенсивные поиски нового главного режиссера. Подчеркиваю: именно интенсивные поиски. Нет ничего страшнее, чем если этот период затянется, станет привычным, вечным. Как ни горько, Товстоногова больше нет. Второго Товстоногова мы не найдем. Опыт других коллективов показывает, что бесконечные реанимации старого не приводят к добру.

Мы уже ищем, главным образом среди молодых. Ведь Товстоногов пришел к руководству театром в 42 года. Мы будем ездить по стране, смотреть спектакли, приглашать на

ленинградскую культуру, разрабатывают цели театры...

— Ну, главный режиссер — это вообще статья особая. Этому нельзя научить, здесь надо обладать сводом особых, редких качеств.

— В том числе, как Товстоногов — быть «несъедобным»... А есть ли у вас репертуарные наметки? Или все будет зависеть от выбора приглашаемого режиссера?

— Мы, несомненно, будем учитывать планы, которые не успел воплотить Георгий Александрович. Хорошо, если наши пожелания совпадут с тем, что захочет поставить на нашей сцене тот или иной режиссер. Мы намерены исходить из его, а не из своих пристрастий.

СЕЗОН БУДЕТ ТРУДНЫМ

постановки наиболее интересных режиссеров. Конечно, ориентироваться будем на тех, кто близок товстоноговскому методу... Надеемся на сотрудничество с крупными мастерами — чтобы поддержать художественный уровень театра.

— Честно говоря, мне обидно — за город, за институт, который долгое время был всеобщей «кузницей» режиссерских кадров, — что испать вы будете по всей стране. Отсутствие профессионального резерва — это катастрофа для театрального города, где формировалась товстоноговская режиссерская школа!

— Задолго до нынешнего кризиса Георгий Александрович начал бить тревогу, утверждая, что подготовка режиссеров ведется в институте неверно. Он предлагал нечто вроде аспирантуры для режиссеров на базе учебного театра, чтобы наиболее одаренные выпускники не разлетались по всей стране, а завершали свое профессиональное становление в Ленинграде...

— Да, если был бы резерв, не было бы у нас послепешных, по ажиотному признаку назначений на должность главного режиссера. Назначений, которые компрометируют нашу ле-

важно, чтобы мы совпали в главном — в направленности художественных поисков.

— Как бы интенсивно вы ни искали нового лидера, переходный период все равно затянется. Трудно будет актерам — ведь у вас половина труппы знаменитости, «звезды».

— Я понимаю, что слава труппы велика. И многих наших ведущих актеров будут искушать, приглашая в другие театры. Но мы дали друг другу слово, что хотя бы в этот трудный период останемся вместе. Во имя нашего дела, во имя сохранения того, что строили мы вместе с Товстоноговым.

— И менее «звездные» труппы распадутся, оставшись без крепкой руки главного режиссера. Актерская вольница в иных театрах, в том числе ленинградских, стремится подчинить себе режиссера, утверждает демократию в форме анархии...

— Демократия хороша в обществе, но не в искусстве. В театре необходима, как называл это Товстоногов, «добровольная диктатура». У руководителя должны быть все полномочия на тот срок, на который ему доверено управление театром. С учетом голоса ху-

дожественного совета как совещательного. Как только труппа начинает выгонять режиссеров, устраивать забастовки, митинги — творчество кончается, и нравственность кончается. Поэтому я — за «добровольную диктатуру».

— А наковы ваши новые депутатские обязанности?

— Я вошел в комиссию Совета Национальностей по языку, национальным вопросам и культуре. В основном буду занят осенью и весной...

— Как вы оцениваете «правительственный кризис» в Министерстве культуры СССР?

— Меня это очень огорчает. Вопросы культуры в стране и так задвинуты на второй план, если не дальше. Ими занимаются бесчисленные комиссии и комитеты, а одного хозяина нет. Я считаю, что Министерство культуры СССР необходимо. И голосовал за это. Другое дело, что функции его изменились, все творческие вопросы перешли в ведение творческих союзов. В Союзе театральных деятелей все еще более децентрализовано — театры обрели в общем полную самостоятельность. Но материальные проблемы, экономика, охрана памятников должны быть в одних руках, иначе все растащат и Эрмитаж, к примеру, станет музеем областного масштаба.

«У культуры нет замены» — так называется недавнее выступление К. Ю. Лаврова в газете «Известия». Продолжая эту мысль, можно добавить, что в культуре замены вообще невозможны. Здесь каждый уникален, каждая утрата — невосполнима. Поэтому столь остро ощущаем мы уход художника из жизни. Сохранится ли он после своей смерти в культуре? Это уже зависит от живых — от учеников, товарищей, соратников. Конечно, всем нам хочется, чтобы Большой драматический остался товстоноговским. Но сколько примеров обратных! Театр Вахтангова, театр Анимова, театр Райкина сохранились только в нашей памяти. Следующие поколения могут продолжить эту славу, лишь вписав собственные имена в историю культуры.

Е. АЛЕКСЕЕВА